

Списание ЕПОХИ
Издание на Историческия факултет на
ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“

Journal EPOCHI [EPOCHS]
Edition of the Department of History of
“St. Cyril and St. Methodius” University of Veliko Tarnovo

Том / Volume XXVI (2018),
Книжка / Issue 1

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ, ПОСТПРОЦЕССУАЛЬНАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ЭГЕЙСКОМУ РЕГИОНУ: ОТ РОЖДЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ К ГРЕЧЕСКОМУ ПОЛИСУ

Андрей МОЖАЙСКИЙ

PROCESSUAL, POSTPROCESSUAL AND RECENT WESTERN ARCHAEOLOGICAL THEORY IN THE CONTEXT OF AEGEAN REGION: FROM THE BIRTH OF CIVILIZATION IN THE BRONZE AGE TO THE GREEK POLIS

Andrej MOZHAJSKY

Abstract: The article deals with the history and theory of archaeological research, with reference to the Aegean and the interpretation of ancient societies in the region. Western archaeological thought on the Aegean region in ancient times has undergone both processual and postprocessual approaches. At the present stage, intellectuals talk about the possible emergence of a new paradigm in archeological theory or the Third Science Revolution. Selected criteria of a new scientific discourse make it possible to place some of the researches of ancient Aegean societies into the contemporary world trend.

Key words: archaeological theory, processual archaeology, postprocessual archaeology, systems theory, Aegean region, Bronze Age, polis, the Third Science Revolution.

Целью данной статьи является освещение процессуального и постпроцессуального подходов, а также, выделение нового дискурса в западных археологических исследованиях на примере древних обществ Эгейского региона. Таким образом, данная статья имеет дело по сути с историей и теорией археологических исследований, применительно к Эгеиде и интерпретацией древних обществ, которую они влекут. Следует отметить, что археологических проектов, которые велись и ведутся в Средиземноморье начиная с 60-ых годов XX в. и по настоящее время очень много и мы не можем осветить даже сколько-нибудь значимую часть из них. Однако, «объять необъятное» не является нашей задачей, и мы остановимся на некоторых, быть может, наиболее значимых археологических концепциях, показательных с точки зрения сегодняшнего дня. Критерием отбора исследований, основанных на археологии стала их связь с объяснением развития цивилизации, будь то цивилизация Бронзового века или полисная система, а также соответствие проводимых исследований господствующим парадигмам теоретической археологии.

Для начала дадим определение процессуальному подходу и выясним, чем же он отличается от традиционной западной археологической теории, господствующей прежде. Среди многочисленной литературы наиболее емко, на наш взгляд, суммировано определение процессуальной археологии (processual archaeology), что содержится в оксфордском словаре, составителем которого является известный британский исследователь Т. Дарвилл [Darvill, T. 2003, p. 341]. Согласно данному изданию, процессуальная археология, известная также как «Новая археология» конца 1960-ых и 1970-ых годов,

основана на позитивистском взгляде¹ на прошлое и принимает по существу антропологический взгляд на древние общества. Вышедшая из предшествующих исследований биологической сферы науки «Теория систем» (systems theory) стала доминирующей моделью в процессуальных взглядах на прошлое. Данный подход рассматривает общества как серии подсистем (subsystems), взаимодействующих друг с другом и окружающей средой, в которой находится система. Процессуальных археологов интересовали процессы, которые побуждали и поэтому объясняли изменения, будь то естественные процессы (к примеру климатические изменения) или имеющие антропогенный характер (к примеру рост населения, сельскохозяйственная интенсификация, увеличенная торговля). Главная цель данной теории – уйти от простого описания археологического свидетельства² и попытаться представить весомые объяснения структур (patterns) в нем³.

Как видно из вышеизложенного, главной моделью в процессуальных исследованиях является системный подход (The Systems Approach). Изучаемое общество или культура определяется как система⁴. Изучая такую систему, исследователи рассматривают различные изменяемые составляющие этой системы. Таким образом процессуалисты выделяют параметры искомой системы. Одним из таких параметров может быть численность населения, другими параметрами могут выступать размеры поселений, продукция различных зерновых культур, материалы и др., включая различные аспекты социальной организации. Эти параметры формируют подсистемы, отражающие различные активности системы в целом. Соответственно каждая подсистема представляет определенное поле активности, в которую могут быть вовлечены люди, артефакты и материальная культура, а также соответствующие аспекты окружающей среды [Renfrew, C., Bahn, P. 1996, p. 455–457]. К примеру, один из основоположников процессуального подхода Д. Кларк⁵ [Clarke, D. 1968] описал простую системную модель, включающую четыре подсистемы: экономическую (economy), религиозную (religious pattern), социальную (social pattern) и материальную культуру (material culture).

Теперь обратимся к рассмотрению данного подхода применительно к Эгейскому региону. Британский исследователь К. Ренфрю в 1972 году в рамках процессуального подхода охарактеризовал становление государственных обществ минойской и микенской цивилизаций [Renfrew, C. 1972; Renfrew, C., Bahn, P. 1996, p. 458–459; Добровольская, М. В., Можайский, А. Ю. 2012, с. 71–73]. Ренфрю выделил следующие подсистемы культурной системы (цивилизации): подсистема пропитания (subsistence subsystem), технологическая подсистема (technological subsystem), социальная подсистема (social subsystem), символическая или проекционная подсистема (symbolic or projective subsystem), подсистема внешней торговли и коммуникаций (external trade and communications subsystem), подсистема народонаселения (population)⁶.

¹ Позитивизмом принято называть философскую школу, основанную на идеях философа XIX в., Огюста Конта. Позитивизм подразумевает, что реальность может быть постигнута объективно и что данные (факты) должны быть отделены от теорий, которые их объясняют (интерпретации). Следуя этой логике, объяснение в общественных науках (social sciences) может и должно быть также объективно и эмпирично как в естественных науках. Таким образом, любые интерпретационные заявления должны быть доступны для проверки опытом (testable) каким-либо образом [Darvill, T. 2003, p. 335]. Это обстоятельство и нашло свое выражение в процессуальной археологии, где был адаптирован эмпирический подход. Так, процессуальная археология делает акцент на эмпирические данные как на главное средство проверки объяснений (интерпретаций), поскольку эти данные рассматриваются как объективно полученные путем проведения археологических полевых работ. В процессуальной археологии широко применяются количественные и математические методы.

² Действительно, до начала 1960-ых годов в западной археологии большинство исследований имели дело с уточнением типологии, установлением региональных хронологических систем и описанием развития культуры на определенной территории [Renfrew, C., Bahn, P. 1996, p. 34].

³ The overall aim was to move away from simply describing archaeological evidence towards trying to provide robust explanations for the patterns in it [Darvill, T. 2003, p. 341].

⁴ Первоначально данная теория развивалась в кибернетике и была привнесена в общественные науки в 1960-е годы.

⁵ Другой основополагающей фигурой для процессуальной археологии является американский исследователь Льюис Бинфорд, который серией статей, а затем в сборнике под его редакцией [Binford, L. 1968] представил новый подход, названный его критиками, а затем и сторонниками «Новой археологией» (the New Archaeology).

⁶ Более подробная характеристика этих подсистем содержится в нашей работе: Добровольская, М. В., Можайский, А. Ю. 2012, с. 72.

Каждая из этих подсистем может быть рассмотрена в отдельности. К примеру, рассмотрим подсистему продуктов питания. Пшеница и ячмень были главным сельскохозяйственными культурами в неолитический период (6500–3000 гг. до н.э.), а овцы и козы – главными видами в животноводстве. Ренфрю считает, что новые сельскохозяйственные культуры (оливы и виноград) получили здесь особое распространение и значение в Раннем бронзовом веке и еще больше укрепились во время расцвета дворцов в Позднем бронзовом веке. Именно эти новые культуры, по мнению Ренфрю, привели к разнообразию сельскохозяйственной деятельности и позволили индивидуальным крестьянским хозяйствам перейти к специализации труда. Обмен продуктами стал необходим и в этом обмене дворцы Позднего бронзового века могли играть центральную распределительную роль [Renfrew, C., Bahn, P. 1996, p. 458; Добровольская, М. В., Можайский, А. Ю. 2012, с. 72].

При характеристике становления обществ государственного типа в Эгейде, Ренфрю обозначил и уделил внимание «умножающему эффекту» (multiplier effect): изменения или инновации, происходящие на одном поле человеческой активности (в одной подсистеме культуры), иногда приводят к изменениям на других полях (в других подсистемах). Причем происходит так, что вызванные изменения в подсистемах сами усиливают первичные изменения в подсистеме, вызвавшей их. К примеру, рассмотрим изменения в некоторых подсистемах, которые привели к развитию в металлургической подсистеме (относится к технологической подсистеме у Ренфрю). В технологической подсистеме, в ремесле произошло техническое развитие, в первую очередь пиротехнические открытия в гончарном деле, которые сделали возможным развитие металлургии. Затем ряд изменений в социальной подсистеме затронули металлургию. Во-первых, возросла потребность в металлическом оружии, что было вызвано увеличением военной агрессии (документировано археологически обнаружением фортификации Раннего бронзового века). Во-вторых, рост спроса на предметы роскоши из золота и серебра. В-третьих, появление обычая положения ценных металлических предметов с покойным, что опять-таки увеличивает спрос на рынке для таких предметов. Подсистема внешней торговли также увеличивает развитие металлургии, поскольку через торговлю становится доступно дополнительное сырье для металлургии [Renfrew, C., Bahn, P. 1996, p. 458; Добровольская, М. В., Можайский, А. Ю. 2012, с. 72–73].

Модель Колина Ренфрю показывает, что главным двигателем развития и изменений в Эгейском регионе Бронзового века стало взаимодействие различных подсистем, через «умножающий эффект», а не действие какого-либо одного фактора. Тем не менее, следует выделить важность определенных процессов – развитие металлургии и конкретных сельскохозяйственных культур (олив и винограда).

Другой процессуальный проект, объясняющий социальные изменения в Греции в период Раннего железного века, а также в период Архаики, был представлен британским исследователем Э. Снодграссом. В своей инаугурационной лекции в качестве профессора классической археологии в Кембридже в 1977 году, Снодграсс представил проект развития социальной археологии по исследованию становления греческих городов-государств [Snodgrass, A. 1977]. Суть этого проекта заключалась в том, что Энтони Снодграсс решил представить системную модель социальных изменений в «Темные века» и период архаики. Греческое общество рассмотрено как социальная система – сеть взаимодействующих подсистем, влияющих одна на другую. Расставив системные факторы, Снодграсс предложил модель, где главной силой по становлению города-государства стал демографический фактор, который через серию «умножающих эффектов» повлиял на всю социальную систему в целом [Snodgrass, A. 1980]. Используя количественный анализ поселений и погребений, он показал сокращение численности населения в начале «Темных веков» и демографический взрыв в VIII в. до н.э., где по его подсчету количество погребений на поколение возросло в семь раз между 780 и 720 гг. до н.э. Таким образом, полисная система для Снодграсса была создана как ответ на демографический вызов, ведь рост населения повлиял на коммуникацию между сообществами и разделение труда. Все это ускорило и сделало необходимыми социальные и политические изменения. Снодграсс отмечает, что полис не был собственно городом, а скорее идеей. Новая политическая форма в своем начальном развитии была скоплением деревень. Ранняя фортификация, по Снодграссу, характерна для Смирны, но не для других поселений, где фортификация встречается только ближе к концу архаического периода. Следовательно, урбанизация по представлениям Снодграсса, не являлась обязательным критерием для раннего греческого полиса⁷. Что касается других системных факторов, повлиявших на социальные и

⁷ Недавнее исследование Р. Фредериксена, как нам представляется, вносит значительные коррективы в это представление. В своем исследовании Фредериксен собрал все возможные археологические и письменные источники о городских стенах в греческом мире, начиная с Раннего железного века по Архаический период.

политические изменения, то Снодграсс выделяет развитие металлургии, что привело к развитию экономики, и выразилось в религиозной сфере в форме роста посвящений в святилищах в VIII в. до н.э. Снодграсс опять использует количественный анализ и представляет таблицы с подсчетом артефактов в святилищах и сравнивает их с богатыми погребальными дарами. Население и фактор нехватки земли (с учетом значимости владения землей) привели к колонизации⁸. Ремесленные технологии (производство треножников, металлургия и керамическое производство) связаны по Снодграссу с религией (религиозные институты – главный потребитель благ). Вооружение и изображения раскрывают военное дело как центральный элемент самой идеи полиса. В VII в. до н. э. изменения включили в себя появление фаланги, где ключевым элементом стали зажиточные граждане, но не аристократы. Таким образом, Энтони Снодграсс показал понимание археологического материала в терминологии социального процесса [Shanks, M. 2005, p. 130–133; Добровольская, М. В., Можайский, А. Ю. 2012, с. 73–76].

Разобрав несколько наиболее репрезентативных исследований, использующих процессуальный подход к археологии Эгейского региона, обратимся к постпроцессуализму. Еще с конца 1970-ых годов, процессуальная археология стала подвергаться критике. Так, одни исследователи считали, что процессуальный подход слишком узкая теория, обобщающая исторический процесс и сводящая его к универсальным законам общественного развития. Другие считали, что большее внимание следует уделять идеологическим и символическим аспектам древних обществ. Третьи высказывались, что процессуальный подход игнорирует роль личности в истории [Renfrew, C., Bahn, P. 1996, p. 461; Добровольская, М. В., Можайский, А. Ю. 2012, с. 76]. Исходя из этой критики, ряд британских археологов (в особенности Ян Ходдер [Hodder, I. 1982; 1984; 1985; 1986], Майкл Шэнкс [Shanks, M., Tilley, C. 1988; 1992] и Кристофер Тилли [Miller, D., Tilley, C. 1984; Tilley, C. 1982; Tilley, C. 1984]) попробовали сформулировать новые подходы, которые собирательно можно назвать постпроцессуальной археологией. Идеологической основой движения постпроцессуалистов стали взгляды неомарксистов (Луи Альтюссера, Этьена Балибара), постпозитивистов (анархистский взгляд на науку философа Пола Фейерабенда), теория структурализма (Клода Леви-Стросса), герменевтический подход (Вильгельма Дильтея, Робина Коллингвуда и Поля Рикёра), критическая теория философов Франкфуртской школы (Герберта Маркузе и Теодора Адорно), идеи постструктурализма (Ролана Барта, Мишеля Фуко и Жака Деррида), структурационная теория (Энтони Гидденса), а также идеи Пьера Бурдьё и гендерные подходы к археологии⁹. Цель постпроцессуалистов – преодолеть рамки процессуального подхода, показать уникальность каждого конкретного общества, используя весь возможный инструментарий. Отметим то, что, несмотря на критику в сторону процессуального подхода, постпроцессуалисты используют и развивают его методы, причем интерпретация одних и тех же памятников, а также социального развития тех же культур, зачастую у постпроцессуалистов бывает различной [Renfrew, C., Bahn, P. 1996, p. 466–467; Добровольская, М. В., Можайский, А. Ю. 2012, с. 76–77].

Первое исследование, имеющее отношение к Эгейскому региону в древности, которое мы предлагаем рассмотреть в данной связи – это исследование Яна Морриса в области социальной структуры общества через ритуальные практики [Morris, I. 1987]. На наш взгляд, исследование Морриса является переходным от процессуализма к постпроцессуализму, с которым работу Морриса

Фредериксен считает, что фортификация поселений и городов, ранее рассматриваемая как принадлежавшая к Классическому периоду, в действительности начинала возводиться гораздо раньше и уже была распространена в Раннем железном веке и Раннем архаическом периоде. Используя процессуальный инструментарий, в частности количественный анализ, Фредериксен показывает, что, учитывая максимальное количество полисов архаического времени как около 1000, то не менее 10% из них имели городские стены [Frederiksen, R. 2011, p. 118; Mozhajsky, A. 2014, p. 76–77]. Наше собственное исследование, вероятно, добавляет к этому списку Фивы, как полис не только имеющий раннюю фортификацию акрополя – Кадмеи, но и нижнего города [Mozhajsky, A. 2014].

⁸ Однако проблема этой интерпретации состоит в том, что исследования последних двадцати лет (как археологические, так и анализ исторических литературных источников) показывают, что пик перенаселенности и наибольший рост городских центров в Юго-Восточной Эгеиде приходился на Классический период с V по IV вв. до н. э., что совершенно не совпадает с эпохой Великой греческой колонизации VIII–VI вв. до н. э. Таким образом, нельзя сказать, что перенаселенность и нехватка земли стали основным фактором основания колоний [Bintliff, J. 2006, p. 321–323; Bintliff, J. 2012, p. 237, 249]. Для Аттики: Lohmann, H. 1991; 1992.

⁹ В целях экономии места, мы не приводим ссылки на хорошо известные и переведенные на разные языки работы перечисленных исследователей.

роднит ярко выраженные социальный контекст¹⁰. Моррис применяет теорию и метод «Погребального анализа», разработанного американскими археологами, в частности Льюисом Бинфордом, и применяет его к погребениям Аттики. Погребение рассматривается как отражение социальной структуры и отражение ментальной культуры общества. Задачей Морриса было найти это отражение в погребениях и прочесть через них изменение социальных структур. Для этого Моррис анализирует возрастную структуру кладбищ, демографические показатели, выявляя погребенные группы населения, рассматривает возможность исключения определенной части населения из формального погребения на погостах, проводит различия между кладбищами, учитывает погребальные дары и символы богатства. Главным тезисом в его работе «Погребение и древнее общество» (1987 г.) является то, что с 1050–750 гг. до н.э. по большей части Материковой Греции, а в Аттике еще и с 700–510 гг. до н.э., кладбища и небольшие могильные наделы представляли собой ограниченные погребения по ранжированным группам [Morris, I. 1987]. По Моррису, около 750 г. до н.э. происходит появление греческих полисов, политических сообществ, а также идеология, сглаживающая различия в социальном статусе, что повлияло на количество и характер погребений¹¹. Таким образом, картина погребений отражает классовую борьбу между аристократией и социальными низами, которая окончилась с рождением полиса, когда низшие классы практически перестали зависеть от аристократии. Изменение погребального обряда, по Моррису, выявляет идеологическое объединение $\gamma\alpha\theta\omicron\iota$ (знатных) и $\kappa\alpha\kappa\omicron\iota$ (низких) в оппозиции к новому классу рабов. Афины времен Солона и тирании Писистрата – особый случай. По Моррису, Афины начали развиваться как полисная система, но затем, около 700 г. до н.э., возвратились к прежнему общественному состоянию¹². Однако, следует отметить, что для Морриса, археологический материал лишь средство увидеть изменение в обществе, но значение этого изменения должно исходить не от археологии. Для этого Моррис обращается к этнографическим аналогиям и к литературным источникам, в особенности к Аристотелю [Shanks, M. 1996, p. 134–135; Добровольская, М. В., Можайский, А. Ю. 2012, с. 77–78]¹³.

То обстоятельство, что археологический материал для Морриса не является объясняющим изменения, а лишь средство индикации самого изменения, не позволяет назвать подход Морриса действительно постпроцессуальным. Кроме того, основные методы исследования Морриса, к примеру количественный анализ, оставались характерными для процессуализма.

Как же мы можем конкретным примером показать, что есть постпроцессуализм? На наш взгляд одна из ключевых его характеристик относится к определению значения артефакта. В этой связи приведем размышления М. Шэнкса относительно керамической посуды, в частности протокоринфских арибаллов VII в. до н.э. Керамическая посуда является как означающим, так и означаемым. Артефакт действует в обоих направлениях. Керамическое изделие является продуктом как гончара, так и общества. Керамическое изделие является социальным объектом окружения, внутри которого работает гончар. Керамическое изделие, производитель, общество и другие контексты не могут быть разделены потому, что они вместе существуют в производственном акте. Само керамическое изделие – это слияние сырья, взятого и трансформированного, работы (выражения) гончара, а также объекта культуры и стиля. Это изделие вовлечено в отношения с гончаром, который его произвел и теми, кто взял его и использует его. Артефакт как означающее и означаемое есть создание социальной формы и затем его распределения/обмена и потребления. Потребление относится как к простому использованию артефакта, так и к использованию предметного мира (object world) для создания других культурных артефактов: арибаллы взятые из Коринфа помещались в святилища и в погребения, помогая создать артефакт, относящийся к религии. Так, арибалл мог отражать опыт путешествия и захоронения в ранней колонии. Более того, артефакт может жить дальше, например, когда арибалл был собран и

¹⁰ М. Шэнкс называет подход Морриса «жестким процессуальным» (hard processual) в отличие от «мягкого процессуального» (soft processual) у Снодграсса [Shanks, M. 1996, p. 134]. Другое название, которое использует Шэнкс применительно к модели Морриса – Процессуальная социальная археология [Shanks, M. 1996, p. 136].

¹¹ Прямой вызов демографическим вычислениям и модели Энтони Снодграсса.

¹² Отклонение Афин от полисного развития в VII в. до н.э. было подвергнуто критике в отечественной историографии И. Е. Суриковым [Суриков, И. Е. 2013].

¹³ Более подробно подход Морриса к возрастной структуре в погребениях проиллюстрирован в работе Добровольская, М. В., Можайский, А. Ю. 2012, с. 78–81.

продан в XIX веке и далее он может многое означать через практики дискурса и метанарратива [Shanks, M. 1999, p. 18].

Вокруг такого понимания артефакта и строится постпроцессуальное исследование Шэнкса относительно архаического Коринфа [Shanks, M. 1999]. Таким образом Шэнкс исходит из подходов к артефактам и обществу постпроцессуальной или интерпретационной археологии. Акцент сделан на контексты дизайна (замысла) артефакта – помещение археологических находок в контекст их производства, обмена и потребления [Shanks, M. 1999, p. 2]. Изменения в искусстве и дизайне привязаны к социальным факторам, к изменению жизненных стилей и идеологий, а также к повседневной жизни. Понимание архаического города-государства должно включать установленные структурные изменения внутри локальной социальной и политической стратегий людей того времени: аристократичных бигменов, солдат, гончаров, моряков, торговцев и путешественников, а также других «граждан» раннего полиса Коринфа. Здесь аргументы следуют главному посылу большей части современной социальной и археологической теории, что социальное понимание должно относиться к деятельности социальных действующих субъектов (actors). А фундаментальным аспектом общества является материальная культура. Другой посыл Шэнкса это то, что любая историческая интерпретация, которая не принимает материальное измерение общества – недостаточна (inadequate). Блага и артефакты – не просто ресурсы выражения социальных отношений, но активно помогают создавать общество таким какое оно есть; материальная культура – активна (active) [Shanks, M. 1999, p. 3].

Так что же по мнению Шэнкса произошло в архаическом Коринфе? Традиционная, наследственная и исключительная аристократия Коринфа оказалась в затруднительном положении ок. VIII в. до н.э. Традиционные принципы жизненного уклада не работали, люди не соглашались с традиционной легитимацией, основанной, вероятнее всего, на происхождении и богатстве. Археологические свидетельства материальной культуры Коринфа показывают, как государственность была переконструирована чтобы вовлечь эстетическое поле жизненного стиля [Shanks, M. 1999, p. 210]. По мнению Шэнкса, внимание в Коринфе было смещено к мобилизации новых ресурсов, что выразилось в VIII в. до н.э. в новой форме через ориентацию на войну и насилие, представленных оружейным дизайном и графическим изображением этого насилия, а также всем тем, что стало отраслью знания вооружения (weaponry – discipline), эстетикой нанесения ранения (the aesthetics of wounding) и посвящению божеству. Религиозная сфера стала средоточием человеческой активности. Религия помогла выразить новые ремесленные навыки и стала общественной ареной расходования средств – богатства патронов или сообщества. Об этом говорят посвящения божественному. Была развита новая визуальная и архитектурная среда. Вложения были сделаны не только в религию, но и в торговлю и путешествия. Власть над передвижением и пространством нашла свое выражение как в мобильности и торговом посредничестве, так и в святилищах [Shanks, M. 1999, p. 210–211].

Керамический дизайн, появление нового вкуса относительно формы и декорации качественной керамической посуды, являются частью нового представления инвестиций в войну и религию, путешествия и торговлю, а также частью новой визуальной среды.

Новая технология власти теперь была сконцентрирована на выражении – трансформации власти в эстетическое и экспрессивное поле. Шэнкс показывает, как артефакты и новый культурный опыт делают заметными связи между доминированием и субординацией, между аристократией и низшим классом. В этих условиях, по Шэнксу, родился полис [Shanks, M. 1999, p. 212–213].

Мы переходим к завершающей части нашей статьи в которой постараемся определить сегодняшнее положение археологической теории в частности применительно к Эгейскому региону. Как видно из вышеизложенного, западная археологическая теория, начиная с 60-ых годов XX в. до 1990-ых–2000-ых годов прошла значительный путь, причем так, что сменились две парадигмы / два дискурса: процессуальная / модернистская и постпроцессуальная / постмодернистская. Действительно, постпроцессуалисты еще тридцать лет назад обвинили процессуализм в излишнем привлечении методов естественных наук, количественного анализа, закономерности, моделировании. Шэнкс и Тилли назвали это «дегуманизацией» прошлого [Shanks, M., Tilley, C. 1988, p. 77]. Последующие два десятилетия во многом прошли под знаком постмодернистской контекстуальной интерпретации. Однако, хотим обратить внимание, что в последнее время все чаще звучит критика относительно совсем недавно, казалось бы, преобладающего постпроцессуального подхода [Bintliff, J., Pearce, M. 2012]. Более того, археологическая мысль похоже призывает восстановить пересмотренный процессуальный подход или же,

вообще, говорит о пути к новой парадигме «Третьей научной революции» [Kristiansen, K. 2014]. Последнее обстоятельство, по мнению Кристиансена [Kristiansen, K. 2014, p. 12–14], основано на следующих изменениях, начинающихся происходить в археологических исследованиях:

1. Прорыв в генетических исследованиях древних ДНК, что вывело А-ДНК исследования из двадцатилетней стагнации. Таким образом, современные исследования показали новые данные о природе и распространении человека. Кроме того, мы становимся свидетелями широкого применения изотопного анализа, когда стронций от людей и животных говорит о мобильности и диете, а свинцовый анализ метала, особенно бронзы, способен теперь рассказать о регионе происхождения меди. Кристиансен сравнивает данные научные прорывы, применимые в археологии, с эффектом от обретения радиоуглеродного датирования в 1950-е годы.

2. Образование Европейского Исследовательского Совета (www.erc.europa.eu), что впервые позволило столь мощно финансировать исследования, в том числе в гуманитарных и общественных науках, позволило проводить проекты общеевропейского масштаба, с программами поддержки молодых ученых. Прошлое противостояние между естественными и гуманитарными науками, теорией и данными исчезает.

3. Наконец, молчаливый коллапс недавно доминирующей постпроцессуальной конструкции, поскольку она не учитывает виды свидетельств, развивающихся последние десять лет.

По мнению Кристиансена, мобильность становится мейнстримом в археологических исследованиях. Широко исследуется «глобализованный мир» в период Бронзового века, который противопоставляется предшествующему неолитическому времени [Kristiansen, K., Larsson, T. 2005; Kristiansen, K. 2014, p. 16]. «Глобализация» как феномен применим теперь к Первобытности и обществам Бронзового века и появились модернизированные версии Мир-системного подхода с учетом археологических данных.

Насколько этим критериям отвечают современные западные исследования Эгейского региона в древности? Похоже, что в основном, на современном этапе, по крайней мере, ряд исследований применительно к Эгеиде отвечают изменениям, выделенным Кристиансеном. Так, исследование Льюис Стил [Steel, L. 2013] «Materiality and Consumption in the Bronze Age Mediterranean» учитывает достижения идущей в археологии революции, в том числе свинцовый изотопный анализ. Показано, что человеческая мобильность и культурные контакты Бронзового века в Средиземноморье были гораздо более основательны и широко распространены, чем предполагалось ранее.

Что касается исследований, учитывающих анализ стронция человеческих костей и зубной эмали в Эгейском регионе, то здесь можно привести в пример исследование А. Нафплиоти «Mycenaean political domination of Knossos following the Late Minoan IB destructions on Crete: Negative evidence from strontium isotope ratio analysis ($87\text{Sr}/86\text{Sr}$)» [Nafplioti, A. 2008]. В данном исследовании анализ изотопов стронция используется применительно к весьма дебатированному вопросу перемещения населения в Эгеиде в период Позднего бронзового века. После разрушений на Крите Позднеминойского IB периода (ок. 1490/1470 гг. до н.э.) последовал период подъема. Новые культурные черты, которые появились в Кноссе этого периода, имели предшествующее начало в Материковой Греции. В Критском контексте, Линейное письмо Б, погребальная архитектура и погребальные обычаи «Материкового» стиля интерпретируются как свидетельства действительного «Микенского» продолжительного поселения и политического доминирования в Кноссе. Однако, человеческие скелетные останки из погребений, ассоциированных на основе материальной культуры с микенцами в Кноссе, подвергнутые анализу стронция, показали, что они принадлежат местному населению. Подобные противоречивые данные еще ждут основательной интерпретации.

К высоко технологичным исследованиям в Эгейском регионе относится также исследование беотийской эллинистической керамики с использованием нейтронно-активационного анализа [Schwedt, A. et al. 2006]. Это исследование показывает результаты как на микро так и на макро уровне: как в отношении Беотии, так и всего Эгейского региона. Было исследовано собрание из 122 сосудов, найденных при раскопках кладбищ как северо-западных беотийских памятников Акрайфния и Галиарта, так и кладбищ памятников восточной части региона – Фив и Танагры. Цель анализа – определить происхождение данных артефактов на основе измерения следов состава элемента. Сам метод исследования

известен давно – с 1960-ых годов, однако только сейчас можно говорить о создании действительно масштабной базы данных (более 6000 образцов) для Греции и прилегающих регионов вокруг Средиземного моря¹⁴. Главным результатом исследования стало выявление разделения между северо-западной и восточной беотийской продукцией. В погребениях Галиарта и Акрайфния подавляющее большинство сосудов имело местное северо-западное беотийское происхождение. Таким образом, здесь не было масштабного импорта керамики. Также и материал из погребений эллинистической Танагры в основном представляет местный восточнобеотийский компонент, без большого импорта, в отличие от классического времени, когда такой импорт был шире. Совершенно другая картина представлена в погребениях Фив, где импорт керамической посуды представлен гораздо масштабнее, включая экземпляры не только из других мест Беотии, но и дальних регионов Средиземноморья, к примеру, Малой Азии, включая Эфес и, быть может, из Крита. Кроме того, был сделан вывод, что Фивы являлись связующим звеном между Танагрой и северо-западной Беотией, импортируя керамику из их местных мастерских, что являлось частью лидирующего положения Фив. В то же время, Фивы импортировали керамику из дальних греческих мест, в то время как свое местное производство в Фивах было на низком уровне. В отличие от случая с Фивами, торговля между Танагрой и северо-западными беотийскими городами Акрайфнием и Галиартом не была выявлена.

Кристиансен подчеркивает, что на современном этапе в археологической теории характерен пересмотр Мир-системного подхода [Kristiansen, K. 2014, p. 16]. В западном научном сообществе относительно этого вопроса сейчас популярна адаптация модели Центра–Периферии, как части Мир-системной теории (Мир-системного анализа). Наиболее популярная версия данной теории была разработана в 1970-е годы известным философом Иммануилом Валлерстайном [Wallerstein, I. 1974]. Для нас центральным элементом этой теории является то, что она делит страны на центральные, полупериферийные и периферийные. Центральные страны – наиболее развитые, периферийные – являются сырьевым придатком центральных и полупериферийных стран, а последние иногда выступают медиатором между центральными и периферийными [Можайский, А. Ю. 2017].

В 1990-е годы эта модель была использована при анализе Великой греческой колонизации. Здесь Греция является второстепенным, дочерним или вспомогательным партнером более продвинутых экономик Ближнего Востока. Однако, города-государства Греции в свою очередь смогли оформить второе центральное звено и эксплуатировали периферию к северу и западу от Эгеиды, которая была гораздо менее развита чем они сами. Обобщая, модель Центра–Периферии означает, что центральные экономики сбывали высококачественные статусные блага, особенно драгоценности и даже военные технологии, в обмен на сырье из периферии (сельскохозяйственные излишки, металлы, рабы) [Bintliff, J. 2012, p. 247; Можайский, А. Ю. 2017].

Что касается анализа античной Мир-системы на современном этапе, то исследователь Костас Влассопулос выделяет три разных мировых процесса: процесс перемещения людей; процесс перемещения товаров; и процесс перемещения идей/технологий. Причем, эти три процесса не обязательно следует разделять. Могло быть так, что одни и те же агенты могли перемещать людей, блага и идеи/технологии в тоже самое время [Vlassopoulos, K. 2007, p. 95]. Естественно, что проиллюстрировать это можно только с помощью привлечения археологических данных.

Перейдем к выводам. Отметим, что в мировом научном сообществе, включая Россию, благодаря развитию археологии во второй половине XX в. и в начале XXI в., стало совершенно очевидно, что археология давно перестала быть просто специальной или вспомогательной исторической дисциплиной, но является полноценной наукой со своим методологическим инструментарием, связями с социальными и естественными дисциплинами. Более того, археология имеет свою теоретико-философскую базу. В этом отношении западная археологическая мысль относительно Эгейского региона в древности претерпела влияние как процессуализма, так и постпроцессуализма. На современном этапе интеллектуалы от археологии говорят о возможном появлении новой парадигмы в археологической теории, или третьей научной революции. Выделенные критерии нового научного дискурса позволяют поместить в современный мировой тренд также исследования применительно к Эгеиде в древности.

¹⁴ По Кристиансену [Kristiansen, K. 2014, p. 17–18], создание больших баз данных (Big Data databases) также является признаком третьей научной революции – новой парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Добровольская, М. В., Можайский, А. Ю. 2012 – М. В. Добровольская, А. Ю. Можайский. Археология. Учебное пособие. Москва: МПГУ, 2012. [M. V. Dobvol'skaja, A. Ju. Mozhajskij. Arheologija. Uchebnoe posobie. Moskva: MPGU, 2012.]

Можайский, А. Ю. 2017 – А. Ю. Можайский. Нападение фракийских наемников на беотийский Микалесс в контексте мир-системной теории. – В: “Наука, образование, культура”. Международная научно-практическая конференция, посвященная 26-ой годовщине образования Комратского Государственного Университета, 10 февраля, 2017 г. Комрат, 2017. Том 2, 132–134. [A. Ju. Mozhajskij. Napadenie frakijskih naemnikov na beotijskij Mikaless v kontekste mir-sistemnoj teorii. – V: “Nauka, obrazovanie, kul'tura”. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija, posvjashhennaja 26-oj godovshhine obrazovanija Komratskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 10 fevralja, 2017 g. Komrat, 2017. Tom 2, 132–134.]

Суриков, И. Е. 2013 – И. Е. Суриков. Афины в VIII–VII вв. до н. э.: становление архаического полиса. – ВДИ, 2013, № 4, 23–43. [I. E. Surikov. Afiny v VIII–VII vv. do n. je.: stanovlenie arhaicheskogo polisa. – VDI, 2013, № 4, 23–43.]

Binford, S., Binford, L. (eds.), 1968 – S. Binford, L. Binford (eds.). *New Perspectives in Archaeology*. Chicago: Aldine Press, 1968.

Bintliff, J. 2006. – J. Bintliff. Solon's reforms: An archaeological perspective. – In: *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Edited by J. Blok and A. Lardinois. Leiden: Brill, 2006, 321–333.

Bintliff, J. 2012 – J. Bintliff. *The Complete Archaeology of Greece: From Hunter-Gatherers to the 20th Century AD*. Oxford: Wiley – Blackwell, 2012.

Bintliff, J., Pears, M. 2011 – J. Bintliff, M. Pears (eds.). *The Death of Archaeological Theory?* Oxford: Oxbow Books, 2011.

Clarke, D. 1968 – D. Clarke. *Analytical archaeology*. London: Methuen, 1968.

Darvill, T. 2003 – T. Darvill. *The Concise Oxford Dictionary of Archaeology*. New York: Oxford University Press, 2003.

Frederiksen, R. 2011 – R. Frederiksen. *Greek City Walls of the Archaic Period 900–480 BC*. New York: Oxford University Press, 2011.

Hodder, I. 1982 – I. Hodder. Theoretical archaeology: A reactionary view. – In: *Symbolic and structural archaeology*. Edited by I. Hodder. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Hodder, I. 1984 – I. Hodder. Archaeology in 1984. – *Antiquity*, 1984, № 58, 25–32.

Hodder, I. 1985 – I. Hodder. Postprocessual archaeology. – *Advances in Archaeological Method and Theory*, 1985, № 8.

Hodder, I. 1986 – I. Hodder. *Reading the past: Current approaches to interpretation in archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Kristiansen, K. 2014 – K. Kristiansen. Towards a New Paradigm. The Third Science Revolution and its Possible Consequences in Archaeology. – *Current Swedish Archaeology*, 2014, № 22, 11–71.

Kristiansen, K., Larsson, T. 2005 – K. Kristiansen, T. Larsson. *The Rise of Bronze Age Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Lohmann, H. 1991 – H. Lohmann. Zur Prosopographie und Demographie der attischen Landgemeinde Atene. – In: *Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 2 and 3*. Edited by E. Olshausen and H. Sonnabend. Bonn, 1991, 203–258.

Lohmann, H. 1992 – H. Lohmann. Agriculture and country life in Classical Attica. – In: *Agriculture in Ancient Greece*. Edited by B. Wells. Stockholm, 1992, 29–60.

Miller, D., Tilley, C. 1984 – D. Miller, C. Tilley (eds.). *Ideology, power, and prehistory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Morris, I. 1987 – I. Morris. *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Mozhajsky, A. 2014 – A. Mozhajsky. The archaic wall of Greater Thebes: chronological and topographical problems. – *Graeco-Latina Brunensia*, 2014, No. 19 (2), 71–79.

Nafplioti, A. 2008 – A. Nafplioti. Mycenaean political domination of Knossos following the Late Minoan IB destructions on Crete: Negative evidence from strontium isotope radio analysis ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$). – *Journal of Archaeological Science*, № 35, 2008, 2307–2317.

Renfrew, C. 1972 – C. Renfrew. *The Emergence of Civilisation. The Cyclades and the Aegean in the Third Millennium B. C.* London: Methuen, 1972.

Renfrew, C., Bahn, P. 1996 – C. Renfrew, P. Bahn. *Archaeology: Theories, Methods, and Practice*. London: Thames and Hudson, 1996.

- Schwedt, A. et al.** 2006 – A. Schwedt, V. Aravantinos, A. Harami, V. Kilikoglou, M. Kylafi, H. Mommsen, N. Zacharias. Neutron activation analysis of Hellenistic pottery from Boeotia, Greece. – *Journal of Archaeological Science*, 2006, № 33, 1065–1074.
- Shanks, M., Tilley, C.** 1988 – M. Shanks, C. Tilley. *Social Theory and Archaeology*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1988.
- Shanks, M., Tilley, C.** 1992 – M. Shanks, C. Tilley. *Reconstructing archaeology: Theory and practice*. London: Routledge, 1992.
- Shanks, M.** 1999 – M. Shanks. *Art and early Greek state: An interpretive archeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Shanks, M.** 2005 – M. Shanks. *Classical archaeology of Greece: Experiences of the discipline*. Taylor & Francis e-Library, 2005.
- Snodgrass, A.** 1977 – A. Snodgrass. *Archaeology and the Rise of the Greek State. An Inaugural Lecture*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Snodgrass, A.** 1980 – A. Snodgrass. *Archaic Greece: The Age of Experiment*. London: Dent, 1980.
- Steel, L.** 2013 – L. Steel. *Materiality and Consumption in the Bronze Age Mediterranean*. New York: Routledge, 2013.
- Tilley, C.** 1982 – C. Tilley. Social formation, social structures, and social change. – In: *Symbolic and structural archaeology*. Edited by I. Hodder. Cambridge: Cambridge University Press, 1982, 26–38.
- Tilley, C.** 1984 – C. Tilley. Ideology and the legitimization of power in the Middle Neolithic of southern Sweden. – In: *Ideology, power, and prehistory*. Edited by D. Miller and C. Tilley. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, 111–146.
- Vlassopoulos, K.** 2007 – K. Vlassopoulos. Between East and West: the Greek Poleis as Part of a World-System. – *AWE*, 2007, № 6, 91–111.
- Wallerstein, I.** 1974 – I. Wallerstein. *The Modern World System. Vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century*. New York, 1974.